

МЕСТО СРАЖЕНИЯ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ ПО ЛЕТОПИСНЫМ ДАННЫМ

Суммирую выводы и главную аргументацию одиннадцати своих работ недавнего времени [Азбелев, 1972; Азбелев, 2007; Азбелев, 2011; Азбелев, 2012а; Азбелев, 2012б; Азбелев, 2013а; Азбелев, 2013б; Азбелев, 2014; Азбелев, 2015а; Азбелев, 2015б; Азбелев, 2015в]. Основные из этих статей были напечатаны в научном журнале «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», а также в академическом сборнике памяти А. А. Шахматова.

Прежде всего, полезно напомнить вполне достоверную информацию относительно масштабов события, о котором идет речь. Как известно, уже более двух столетий наши историки и публицисты активно интерпретируют и обсуждают сражение, происходившее в сентябре 1380 г. на Куликовом поле. По историческому значению оно относится к событиям эпохальным в неменьшей степени, чем сражение на поле Бородинском в августе 1812 г. Куликовская битва, в отличие от битвы Бородинской, завершилась полным разгромом вражеской армии. Остатки ордынских войск бежали, преследуемые русской конницей. Масштабы же обоих сражений по числу их участников и по протяженности поля боя различались мало.

Наш выдающийся историк Сергей Михайлович Соловьев в знаменитом своем труде давал запоминающиеся характеристики эпохальных событий. Вот как он высказался по поводу сражения 1380 г.: «Летописцы говорят, что такой битвы как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа... Таково было побоище Каталонское, где полководец римский спас Западную Европу от гуннов; таково было побоище Турское, где вождь франкский спас Западную Европу от аравитян... Куликовская победа, — подчеркивал Сергей Михайлович, — ... имеет в истории Восточной Европы точно такое же значение, какое победы Каталонская и Турская имеют в истории Европы Западной, и носит одинакий с ними характер, характер страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азией, долженствовавшего решить великий в истории человечества вопрос — которой из этих частей света восторжествовать над другою.

Таково, — заключал наш маститый академик, — всемирно-историческое значение Куликовской битвы» [Соловьев, с. 325].

Казалось бы, давно отошел в прошлое вопрос о торжестве Европы или Азии... Но не только интересы исторической истины, а и интересы суверенитета России теперь более чем прежде требуют внимательного отношения к сведениям о героических страницах ее истории.

В источниках, достаточно близких по времени к событиям 1380 г., такие сведения более или менее однозначны. По показаниям летописей, численность армии великого князя Дмитрия Ивановича, вместе с войсками поддержавших его русских земель и отрядами отдельных князей, могла достигать или несколько превышать цифру в 200 тысяч воинов. Нет причин считать, что русские войска победили ордынскую армию Мамаю, превосходившую их по количеству. Общее число воинов у русских и у ордынцев могло иметь соотношение даже в пользу московской рати. Но вероятная неравновеликость армии Дмитрия Ивановича Московского и армии Мамаю весьма существенно корректировалась отсутствием военного профессионализма у преобладавшей части русских участников сражения. Не должна поэтому удивлять величина приводимых летописями цифр, когда речь идет о числе собранных русских войск (имею в виду, разумеется, только летописи, где цифры не подвергнуты позднейшей гиперболизации).

В грозной исторической ситуации 1380 г., когда само существование Руси оказалось под смертельной угрозой, ее народное ополчение должно было стать беспрецедентно многочисленным (см.: [Азбелев, 2015в]). Об этом однозначно и единодушно повествовали сами летописцы: «От начала миру не бывала сила такова русских князей, яко же при сем князи великом Дмитрии Ивановиче, бѣяше всеа силы полтораста тысяч или съ двѣсти тысящи» (Софийская первая летопись)¹. Аналогично в Новгородской четвертой летописи: «бѣаше всеа силы и всихъ ратеи числом с полтораста тысящъ или с двѣсте. Еще же к тому приспѣша в той чинъ рагозны издалеча велицъи князи Олгердовичи, поклонитися и послужити: князь Ондрѣи Полочкомъ съ Плесковици, брат его князь Дмитрии Брянский съ всеми своими мужи»². Более определенно — в Никоновской летописи: «И повелѣ счести силу свою, колико ихъ есть, и бѣяше ихъ вѣще двоусотъ тысящъ»³.

Аналогичной была по общей численности противостоявшая русским и ими разбитая армия Мамай. Немецкая хроника Детмара под 1380 г. сообщила о «великой битве» между русскими и татарами, где с обеих сторон сразились 400 тысяч и где победили русские⁴.

Спустя столетие немецкий историк Альберт Кранц (1450–1517) более подробно написал об этом событии, характеризуя его как «величайшее в памяти людей сражение», в котором погибли 200 тысяч [Krantz, s. 207].

Надо сказать, что отечественные ученые, описывавшие Куликовскую битву конкретнее, чем С. М. Соловьев, стремились проявлять удивительную осторожность в оценках достоверности цифр, приводимых летописцами.

Правда, в 1910 г. академик А. А. Шахматов внес важное уточнение. Он верно истолковал странные слова Софийской первой летописи при указании количества только основной части русской армии — «сто тысяч и сто» — как результат палеографической ошибки, искажившей информацию о 170 тысячах [Шахматов, 1910, с. 127]. Однако на последующие работы историков указание А. А. Шахматова почти не повлияло [Азбелев, 2015в].

В 1980 г. В. А. Кучкин, соглашаясь с заключением А. А. Шахматова, писал, что «цифра в 170 тыс. воинов Дмитрия не кажется завышенной» [Кучкин, 1980, с. 11]. Но в 1998 г. он уже напишет (отзываясь на это же заключение А. А. Шахматова), что «на пространстве Куликова поля просто невозможно было технически разместить две армии по 100000 или более человек в каждой» и что «предводительствуемое Дмитрием Московским русское войско» лишь «достигало нескольких десятков тысяч человек» [Памятники Куликовского цикла, с. 51–52 (в примечании к Софийской первой летописи)]⁵.

В 2003 г. А. Е. Петров в обзорной статье пришел к заключению, что реальными являются «пространство для боя», достигавшее только «2–3 квадратных километров», и «численность войск в 30–40 тысяч человек с каждой стороны» [Петров, с. 29]. В 2005 г. тульские археологи М. И. Гоняный и О. В. Двуреченский в интервью московскому журналу сообщали, что «протяженность места боевых столкновений — два километра при максимальной ширине восьмьсот метров» и что на этой площади Куликова поля сражались «от пяти до десяти тысяч как с той, так и с другой стороны» [Чеботарев, с. 95–96]. В 2007 г. Тульским музеем была

¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. I. С. 458.

² ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. I. С. 314.

³ ПСРЛ. М., 2000. Т. IX. С. 54–55; ср. также: ПСРЛ. М., 2004. Т. XLIII. С. 132; и др.

⁴ Detmar-Chronik von 1101–1395 mit der Fortsetzung von 1395–1400 // Die Chroniken der Deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1884. Bd. 19. S. 568.

⁵ В. А. Кучкин отклоняет предположение А. А. Шахматова о том, что сообщенная в этой летописи цифра «100000 и сто» образовалась в результате неверного прочтения цифр *ꙗр* (100000) и *ꙗо* (70000) из-за того, что *ꙗо* было истолковано как *р* (100) [Шахматов, 1910, с. 127]. Однако исследователь, по-видимому, не учел, что, как указывал здесь в сноске А. А. Шахматов, такие именно цифры «по свидетельству Хронографа, имел общерусский свод — “И соче князь великий своя силы сто тысящъ, а у князей его 70 т.”».

опубликована под редакцией его директора археолога В. П. Гриценко энциклопедия «Куликово поле», где сказано (без конкретных отсылок к чьим-либо исследованиям), что «по последним научным данным, русские войска выстроились, имея за спиной Дон и Непрядву между балкой Рыбий Верх и Смолкой, занимая фронт не более полутора километров» [Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия, с. 316–317]⁶. А в 2013 г. Тульский музей издал антологию «Куликово поле», где в комментариях ее составителя археолога А. Н. Наумова можно уже прочесть следующее: «Итоги современных исследований поля Куликовской битвы показывают, что само сражение разыгралось в узком пространстве водораздела р. Смолки и балки Рыбий Верх на фронте не более 1 км» [Куликово поле: Антология публикаций XIX–XX веков, с. 131]⁷.

Возникает впечатление, что тульские археологи как бы соревновались в стремлении минимизировать сражение, вразумительных следов которого они не могли найти, так как неверно истолковывали указания летописными источниками места, где на самом деле произошла великая битва 1380 г.

Археологи не нашли следов захоронений погибших на Куликовом поле, потому что искали вблизи «устья Непрядвы», имея в виду то значение этих слов, какое преобладает в наше время, — место впадения этой реки в Дон. Летописцы же под словом «устье» разумели исток Непрядвы из озера Волова — на расстоянии приблизительно 40 километров от места слияния ее с Доном (см. об этом подробно ниже и в статьях: [Азбелев, 2012б; Азбелев, 2013а; Азбелев, 2015б]).

Относительно места сражения сравнительно недавно была дискуссия. «Традиционному» представлению, что битва произошла на правом берегу Непрядвы, у слияния ее с Доном, противостояла альтернативная гипотеза, перемещавшая место боя на противоположный берег Непрядвы. Заявители альтернативного мнения поместили в своих статьях картосхемы, на которых указано место битвы при впадении в Дон Непрядвы — на левом ее берегу⁸.

Для разрешения этого спора в низовьях Непрядвы были проведены исследования палеопочвоведов. Они показали, что левый берег в прошлом был здесь покрыт лесом. Но при этом выяснилось, что на правом берегу там находилась лесостепь, где открытые участки были слишком малы, чтобы на каком-либо из них могло разместиться значительное количество войск (см.: [Александровский, с. 70]). Таким образом, как бы опровергались представления о масштабах великой битвы, основанные на согласующихся сведениях русских и иностранных письменных источников.

Внимательное изучение летописных текстов заставило отклонить «традиционное» мнение о низовьях Непрядвы как о месте сражения с войском Мамаю при ее устье. Дело в том, что словом «устье» в XIV в. и позже обозначали исток реки из озера. Это отчетливо зафиксировали летописные и иные письменные источники того времени (см. подробно: [Азбелев, 2012б; Азбелев, 2013а; Азбелев, 2013б; Азбелев, 2015б]). А под 1380 г. в летописных известиях о сражении с войском Мамаю однозначно говорится именно об устье реки Непрядвы, но не о слиянии ее с Доном. Последнее толкование примыслили в первой четверти XIX столетия помещики юго-востока Тульской губернии, используя слово «устье» в значении, которое преобладало тогда в литературной речи.

Дело в том, что около слияния с Доном Непрядвы, на правом ее берегу, располагались земельные владения именно тех помещиков (Нечаевых, а позднее и Олсуфьевых), которые

⁶ В летописных сведениях о Куликовской битве нет речи ни о балке Рыбий Верх, ни о Смолке.

⁷ Для подтверждения здесь дается отсылка к с. 225 недавней статьи О. В. Двуреченского [Двуреченский], на которой, однако, на самом деле нет речи ни о реке Смолке, ни об одном километре.

⁸ «Левобережная» гипотеза — см.: [Кучкин, 1980, с. 16–19; Флоренский, с. 41–47; Кучкин, 1984, с. 47–53]. «Правобережная» гипотеза — см.: [Скрынников, с. 54–57; Хотинский и др., с. 35–37; Зайцев, Фоломеев, Хотинский, с. 4–9]. Картосхемы — в журнале «Природа» (1984. № 8. С. 44, 51).

деятельно добивались — и постепенно добились — возведения именно здесь достаточно известных в наше время мемориалов Куликовской победы, уже существовавших к 1917 г. (см. подробно: [Азбелев, 2015а]).

Непрядва до ее обмеления вытекала из Волова озера, находящегося в центральной части Куликова поля на расстоянии 40 километров от слияния этой реки с Доном. При истоке из озера и было «устье» Непрядвы, оговоренное в летописных известиях XIV и XV столетий о Куликовском сражении. Позже Волово озеро (карстового происхождения) сократилось в своих размерах. Но к востоку от теперешних берегов этого озера до сих пор сохраняются следы прежнего русла Непрядвы в ее верхнем течении.

Устье Непрядвы — географический ориентир, указавший направление движения русской армии, спешно форсировавшей Дон, чтобы сразиться с армией Мамаю раньше, чем сможет подойти с запада войско союзного с ним литовского князя Ягайла. Намереваясь упредить действия противников, русские от переправы устремились к истоку Непрядвы, «переидоша за Дон вскоре»⁹. Естественно, что переправлялись не около слияния с Доном Непрядвы, а в гораздо более подходящем для этого месте, выше по течению Дона — там, где он еще менее полноводен, где в наше время находится мост и где уже в далеком прошлом традиционная дорога пересекала Дон (около впадения в него речки Муравлянки).

Отсюда все основные русские силы двинулись по кратчайшему пути в направлении «устья» Непрядвы, заняв при этом один из пологих холмов в центральной части Куликова поля. Войска же Мамаю успели, очевидно, захватить второй холм, господствующую высоту около истока Непрядвы. Однако русская армия сумела развернуться к северо-востоку от позиций Мамаю. Этим она перекрывала ордынцам путь к Москве, получивший со временем название «Муравский шлях». Такое обозначение имело открытое пространство между лесами, которое использовали крымские татары для набегов на Москву.

Летописцы единодушно и неоднократно упоминают именно безлесную местность — «поле чисто», по которому русская армия «поидоша за Дон в дальня части земля»¹⁰. Летописи единодушны и в том, что войска развернулись на протяжении 10 верст открытой местности Куликова поля: «И покрыша полки полъ, яко на десяти версть отъ множества вои»¹¹.

Таким образом, согласно информации письменных источников, на десятиверстном пространстве открытой местности, у верховья Непрядвы, на левом ее берегу, в 1380 г. происходило сражение двухсоттысячных армий.

Отправив «вверхъ по Дону» от места его форсирования засадный полк под командованием князя Владимира Андреевича Серпуховского и «мужа мудра и храбра» Дмитрия Михайловича Боброка Волинского и «в дубравах утаив»¹² этот ударный резерв, великий князь Дмитрий Иванович обеспечил победу¹³. Дубрава — не ельник и не кустарник, которые затрудняют перемещение войск. Под кронами дубов можно было скрытно расположить отборную конницу и затем в нужный момент направить ее в атаку неожиданно для противника.

Местонахождение исчезнувшей уже давно небольшой дубравы разные историки Куликовской битвы предполагали в разных пунктах поблизости от слияния Непрядвы с Доном.

Однако существовал реальный дубовый лес у самого края Куликова поля, в направлении на северо-северо-восток от Волова озера. Этот лес обозначен как на современных картах Тульской области, так и на старых картах генерального межевания Тульской губернии. Площадь остатков

⁹ ПСРЛ. Т. XLIII. С. 134.

¹⁰ См., например: Там же.

¹¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 319. Ср.: ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. С. 463; Т. XLIII. С. 135.

¹² ПСРЛ. Т. XLIII. С. 134.

¹³ В летописных текстах этот полк чаще назван «западным», что отвечает расположению на запад от главных сил.

дубравы около 20 квадратных километров¹⁴. Теперешнее расстояние южного края этого леса от верховья Непрядвы — примерно 25 километров. Но прежнее расстояние было существенно меньше, ибо южная часть дубравы, разумеется, была вырублена при постройке в XVI—XVII в. находящегося вплотную к этому лесу с юга города Богородицка.

Конный полк князя Владимира Андреевича Серпуховского вполне мог достичь края этой дубравы (приблизительно в 3 километрах к северу и 20 километрах к западу от места переправы русских войск) значительно быстрее, чем пешие полки подошли к верховьям Непрядвы (см.: [Азбелев, 2012б; Азбелев, 2013а]).

Основные силы развернутой на 10 верст по фронту русской армии должны были, очевидно, располагаться в междуречье притоков Дона и Оки, перегораживая неприятелю путь к Москве. Как следует полагать, на северо-восток от местности, непосредственно прилегавшей к Волову озеру, между верховьями Непрядвы и Уперты, значительно севернее верховьев Мечи (теперь — Красивая Меча) и ее притока — реки Плотова Меча (теперь — Сухая Плото). Татары же подошли к истоку Непрядвы с юга, от северной излучины Мечи.

Ставка Мамаея, согласно устному преданию, располагалась на Красном холме. Это название сохраняет небольшая деревня, обозначенная и на старых картах. Она находится несколько восточнее «татарского» холма, на более крутом, значительном возвышении на левом берегу Непрядвы, в 2 километрах севернее этой реки и в 7 километрах на восток от Волова озера. С этого Красного холма открывается широкий обзор центральной части Куликова поля. Подобного невозможно сказать о почти незаметном повышении равнины около впадения Непрядвы в Дон (хотя именно это повышение считал Красным холмом помещик Степан Нечаев и именно там была в 1850 г. установлена колонна в память о победе над Мамаем).

Согласно данным Никоновской летописи, «бѣ же то поле велико и чисто и отлогъ велик имѣа на усть-рѣки Непрядвы»¹⁵. Побывав на реальном месте сражения вблизи истока Непрядвы и осмотрев с реального Красного холма соответствующую часть обширного Куликова поля, я могу засвидетельствовать, что его рельеф вполне отвечает приведенным словам — так же как и последующему описанию в этой летописи схождения противостоявших войск.

Хорошо известно, что именно в Никоновской летописи находится самая обстоятельная редакция летописного повествования о Куликовской битве. В этом тексте есть сведения о фактах боевых действий, отсутствующие в других летописях и восходившие к свидетельствам современников событий 1380 г. С. К. Шамбинаго в своем исследовании, посвященном Повестям о Мамаевом побоище, назвал эту редакцию Киприановской редакцией и временем ее составления считал начало второй четверти XV столетия [Шамбинаго, с. 182]. Его рецензент А. А. Шахматов, подвергнувший суровой критике суждения С. К. Шамбинаго о взаимоотношениях редакций Повести, согласился с тезисом о вымышленности сведений Киприановской редакции относительно роли митрополита Киприана в событиях на Руси, связанных с Куликовской битвой [Шахматов, 1910, с. 194–195]. Но если для С. К. Шамбинаго создание этой редакции явилось как бы реализацией тенденциозного прославления митрополита вскоре после его кончины, то А. А. Шахматов относил возникновение такой тенденции к первой четверти XVI в. и объяснял общим стремлением составителя самой Никоновской летописи (либо предшествовавшего ей, но недошедшего митрополичьего свода) преувеличивать значение митрополитов в истории Руси.

В начале XXI столетия в русской историографии произошел отход от одного из закрепившихся ранее параметров в изучении исторической основы Повести о Мамаевом побоище. Еще в 1987 г. киевский историк Ф. М. Шабильдо достаточно аргументированно оспорил ставшее к тому времени хрестоматийным представление об отсутствии митрополита Киприана на Руси в

¹⁴ См.: Атлас Тульской области. Масштаб в 1 см — 1 км / Отв. ред. А. Г. Косиков. М., 2006. Карта № 56.

¹⁵ ПСРЛ. Т. IX. С. 58.

1380 г. [Шабульдо, с. 130–131]. Представление, обязанное еще авторитету Н. М. Карамзина, который опирался на информацию Троицкой летописи (и летописей, восходивших к ней), хотя и знал о противостоящем указании в летописи Никоновской.

Вскоре выводы Ф. М. Шабульдо поддержал в научно-популярной книге Н. С. Борисов [Борисов, с. 209]. Затем К. А. Аверьянов обосновывал их в докладах на международных конференциях в 2000 и 2005 г. [Аверьянов, 2002, с. 15–16; Аверьянов, 2006а, с. 186–193]. Чрезвычайно подробно этот вопрос рассматривался К. А. Аверьяновым в монографии о преподобном Сергии Радонежском [Аверьянов, 2006б, с. 239–340]. Затем под углом зрения истории общественного сознания и истории летописания проблема обсуждалась в моем докладе на конференции 2010 г., полностью напечатанном в 2012 г., а годом ранее — сокращенно, в составе монографии [Азбелев, 2011, с. 105–116, 134–136; Азбелев, 2012а, с. 77–82]¹⁶.

Наиболее важный вывод заключался в том, что «Лѣтописецъ великий Русьскій» (далее — ЛВР), составлявшийся, как выяснил А. А. Шахматов, еще при митрополите Петре, дополненный и отредактированный под руководством митрополита Киприана, должен был содержать подробные сведения о судьбоносных для России событиях 1380 г.

Напомню заключения А. А. Шахматова об общерусском летописном своде, составителем которого «всего вероятнее» являлся еще митрополит Петр: «Новая редакция» свода «принадлежала митрополиту Киприану» и «была доведена до 1390 г. О ней упоминает Троицкая летопись начала XV века, называя ее “Лѣтописцемъ великимъ Русскимъ”» [Шахматов, 1900, с. 151].

«Лѣтописецъ великий Русьскій» в одной из позднейших его обработок, очевидно, послужил важным источником Никоновской летописи, будучи именно тем митрополичьим сводом, к которому возводил эту летопись А. А. Шахматов. М. Д. Приселков был даже убежден в существовании помимо редакции ЛВР, обязанной самому митрополиту Киприану, последующих редакций «Лѣтописца великого Русьского», датируя их предположительно 1426 и 1463 г. [Приселков, с. 231–242]¹⁷.

Присутствовавшая в составе ЛВР Повесть о сражении 1380 г. должна была, конечно, отразиться в Никоновской летописи (см.: [Азбелев, 2015а]).

А. А. Шахматов, датируя XVI в. находящуюся в составе этой летописи Киприановскую редакцию Повести о Мамаевом побоище, довольно бегло упоминал о наличии в ее тексте оригинальных описаний хода военных действий. Часть этих фрагментов летописного текста вовсе не находила соответствия в прочих редакциях Повести, другие в Никоновской летописи оказывались полнее. Отнюдь не ставя под сомнение достоверность фактического содержания таких фрагментов, А. А. Шахматов склонен был возводить их отчасти к недошедшему Слову о Мамаевом побоище, отчасти — к московской летописи [Шахматов, 1910, с. 200–201]. Судя по

¹⁶ Благодаря Интернету я ознакомился с документами Константинопольского патриархата, из которых следует, что утвержденный патриархом митрополит Киприан действительно мог прибыть из Константинополя в Москву в мае 1380 г., о чем подробно сообщила дважды Никоновская летопись (см.: ПСРЛ. М., 2000. Т. XI. С. 41, 49), и, соответственно, он мог лично участвовать в событиях, связанных с Куликовской битвой, о чем рассказывается более или менее подробно (хотя и не без элементов преувеличения его исторической роли) во всех редакциях русской Повести (или «Сказания») о Мамаевом побоище. Дело в том, что один из крупнейших историков византийской церкви Мануил Гедон (1851–1943), «великий хартофилак» (архивариус) Константинопольского патриархата, в свое время установил «продолжительность патриаршества Нила от июня 1379 до конца 1388 г.» (цит. по: [Прохоров, 1978, с. 91]). А как раз патриарх Нил и санкционировал поставление Киприана митрополитом. После этого Киприан спешно уехал (получив, очевидно, сведения о начавшейся войне с Мамаем). Поэтому подпись Киприана присутствует в перечне участников Собора 1380 г. в Константинополе, но отсутствует в его заключительном акте. Наиболее существенные материалы доступны в приложениях к книге, изданной не так давно на русском языке в Париже [Мейендорф]. Между тем неподтвержденное представление об отсутствии митрополита Киприана в Москве летом и осенью 1380 г. долго служило поводом для оспаривания его причастности к Куликовской битве.

¹⁷ Впрочем, без достаточно объясненных причин М. Д. Приселков, в отличие от А. А. Шахматова, считал ЛВР летописью великокняжеской, а не митрополичьей.

ранее мною упомянутым суждениям А. А. Шахматова, речь шла о том митрополичьем своде, который был использован составителями Никоновской летописи, то есть о «Лѣтописце великом Русьском» в его позднейшей редакции.

Обращусь к текстам упомянутых оригинальных описаний.

«Тоя же нощи, утру свитающу, мѣсяца сентября в 8 день на праздникъ Рождества пречистыа Богородицы, и возходящу сълнцу, бысть мгла велиа по всей землѣ, аки тма, и до третьяго часа дни, и потомъ нача убывати. Князь велики же отпусти брата своего изъ двоюродныхъ князя Володимера Андрѣевича вверхъ по Дону въ дубраву, западной полкъ, давъ ему достойныхъ изъ своего двора избранныхъ; еще же отпусти съ нимъ извѣстнаго воеводу Дмитрея Боброкова Волинца; еще же устрои той воевода Дмитрей и полки»¹⁸. Если отвлечься от находящихся здесь, хотя и беглых, но существенных дополнительных сведений, то содержимое этого фрагмента присутствует и в других летописях.

Дальнейший же текст Никоновской летописи представляет уникальное повествование о схождении двух войск, русского и ордынского, которые двигались навстречу друг другу с двух противоположных холмов открытой местности Куликова поля: «И исполчихася христианьстии полцы вси и возложиша на себе доспѣхы, и сташа на полѣ Куликовѣ, на усть Непрядвы рѣки; бѣ же то поле велико и чисто и отлогъ великъ имѣа на усть-рѣки Непрядвы. И выступиша татарскаа сила на шоломе и поидоша съ шоломяни; также и христианьскаа сила поидоша съ шоломяни и сташа на полѣ чистѣ, на мѣстѣ твердѣ»¹⁹.

Холмы, о которых говорится в Никоновской летописи, отсутствуют около впадения Непрядвы в Дон. Они расположены на реальном месте сражения — вблизи верховья Непрядвы. Их нетрудно определить согласно нынешним топографическим картам. Вершина «татарского» холма — около тогдашнего истока Непрядвы из озера Волова (у теперешнего районного центра Волово). Она имеет отметку 276 м, а вершина противоположного «русского» холма (вблизи теперешнего поселка Ольминка) имеет отметку 260 м. Седловина между этими холмами (около истоков речек Малевка и Кузовка, впадающих, соответственно, в Непрядву и в Упу) имеет отметки 245 и 247 м. Она находится приблизительно на равном расстоянии от вершин обоих холмов. Перепад высот на месте встречи двух войск у центра Куликова поля составляет от 15 до 30 метров, причем более пологим был склон «русского» холма. Дистанция между вершинами этих холмов — 22 километра²⁰.

Последующие сведения лишь деталями повествования и некоторыми именами отличаются от других редакций. Здесь сказано, что великий князь объезжает и вдохновляет войска, ставит на свое место Михаила Бренка, отдав ему свою «приволеку», и обращается с молитвой к Господу. Прибывают посланцы от преподобного Сергия Радонежского с его благословением и ободрением. Тогда великий князь, обратившись с молитвой к Богородице, приказывает своему войску «вмалѣ выступати». При этом упоминаются «передовыа воеводы его Дмитрей Всевожъ, да Владимиръ братъ его, с правую же руку прииде Микула Васильевичъ, да князь Семень Ивановичъ, да Семень Меликъ со многими силами»²¹.

Но далее снова идет оригинальный почти во всем текст: «И бѣ уже 6 часъ дъни; сходящимся имѣ на усть-Непрядвы рѣки и се внезапно сила великаа татарскаа борзо с шоломяни грядуще, и ту пақы, не поступающе, сташа, ибо несть места, где имѣ разступитися; и тако сташа,

¹⁸ ПСРЛ. Т. XI. С. 58.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Общегеографический региональный атлас: Тульская область / Редакторы Д. Трущин, В. Пятницкая. М., 2006. С. 18–19; Атлас автомобильных дорог Тульской области и прилегающих территорий / Руководители проекта А. П. Притворов, А. Н. Бушнев. М., 2010. С. 17.

²¹ ПСРЛ. Т. XI. С. 58–59. В других редакциях отсутствуют в этом фрагменте упоминания воевод князя Семена Ивановича и Семена Мелика.

копиа покладше, стѣна у стѣны, кождо их на плещу предних своих имуще, преднии краче, а заднии должае»²².

Открытое ровное пространство между верховьями упомянутых мною рек на пути копейщиков Мамаея сужалось от 10 до 4 километров, и пеший ордынский авангард оказался вынужден здесь или остановиться, или замедлить свое движение.

«А князь великийъ такоже с великою своею силою русскою з другаго шоломяни поиде противу им. И бѣ страшно видѣти двѣ силы великиа сънимающесе на кровопролитие, на скорую сѣмьрть; но татарскаа бяше сила видѣти мрачна потемнена, а русскаа сила видѣти въ свѣтлыхъ dospѣхех, аки нѣкаа великаа рѣка лиющися, или море колеблющесе, и солнцу свѣтло сияющу на нихъ и лучи испущающии, и аки свѣтилници издаличе зряхуся»²³.

Как следует из топографии местности, ордынский авангард двигался по направлению на северо-восток, то есть почти спиной к солнцу. Это были, конечно, не татарские всадники, а «фряжские» копейщики генуэзской пехоты. Навстречу им шли, очевидно, пешие ратники русского ополчения, чьи металлические доспехи блестили в лучах взошедшего солнца.

Из приведенного летописного текста явствует, что передовой полк великого князя Дмитрия Ивановича и наемники Мамаея сошлись на равнине, спускаясь с соответствующих холмов. Генуэзская пехота двигалась от Волова озера на северо-восток, между левым притоком Непрядвы и правым притоком Упы, вытекавшей тогда из Волова озера в западном направлении. А ратники русского ополчения спускались с холма, расположенного между правыми притоками Дона. «Русский» холм несколько ниже «татарского»: теперешняя высота их, соответственно, 15 и 30 метров. (Подобные холмы, как я уже упоминал, отсутствуют около впадения Непрядвы в Дон.)

Приведенный текст передал впечатления не участника самой битвы, а стороннего наблюдателя, который, не будучи человеком военным, принял генуэзских воинов за татарских. Всё это могли видеть взятые великим князем, как сообщено в летописях, еще при выходе войска из Москвы «десять мужей сурожанъ, гостей, видѣниа ради: аще что Богъ случитъ, имуть повѣдати въ дальныхъ земляхъ»²⁴. Не все они, может быть, действительно наблюдали за началом боя. Но в Никоновской летописи рассказано, что двое из этих гостей-сурожан — Василий Капица и Семен Антонов — в ночь перед битвой имели видение: святой митрополит всея Руси Петр побивает «от поля грядуща множество ефиоп»²⁵. Другие летописи не содержат этой вставки.

Как известно, митрополит Киприан после Куликовской битвы сочинил собственную редакцию Жития московского митрополита Петра. Она вошла как составная часть в написанную Киприаном Службу митрополиту Петру. В ней содержатся «выражения радости по поводу недавно одержанной победы над “агарянами”, то есть, очевидно, победы над Мамаем в Куликовской битве» [Прохоров, 1988, с. 466].

Естественно предполагать, что если не Киприаном было сочинено, то Киприаном было инспирировано включенное в Повесть описание видения митрополита Петра гостями-сурожанами в ночь накануне сражения на Куликовом поле. Поскольку данное описание есть только в Никоновской летописи, напрашивается и предположение о причастности к одному из ее источников митрополита Киприана²⁶.

²² Там же. С. 59.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 54. «Си же суть имена ихъ: Василей Капица, Сидоръ Елферьевъ, Константинъ, Кузма Коверя, Семионъ Онтоновъ, Михийло Саларевъ, Тимофѣй Всеяковъ, Дмитрей Саларевъ, Иванъ Шихъ» (Там же. С. 58).

²⁵ Там же. С. 58.

²⁶ Впрочем, С. К. Шамбинаго считал, что эпизод с видением Василия Капицы и Семена Антонова вставлен самим составителем Никоновской летописи [Шамбинаго, с. 182]; это вызвало удивление А. А. Шахматова [Шахматов, 1910, с. 160].

В данной связи обращает на себя внимание находящееся в Никоновской летописи завершение летописной характеристики поведения великого князя в бою: «Преже всѣхъ нача битися съ татары; да одесную его и ошуюю его оступиша татарове аки вода и много по главѣ его и по плещамъ его и по утробѣ его бьюще и колюще и сѣкуще, но отъ всѣхъ сихъ Господь Богъ милостию своею, и молитвами пречистыа Его Матере, и великого чудотворца Петра и всѣхъ святыхъ молитвами, соблюде его отъ смерти. Утруденъ же бысть и утомленъ отъ великого буания татарского толико, яко близъ смерти. Бѣаше же самъ крѣпокъ зѣло и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ и чреватъ велми, и тяжекъ собою зѣло, брадою же и власы чернъ, взором же дивен зѣло»²⁷. Две последние фразы отсутствуют в других летописях. Эта концовка выдает в ее авторе современника, который лично знал великого князя (см.: [Азбелев 20156]).

Сравнительно недавно И. Б. Грековым было обосновано мнение, что сам митрополит Киприан мог участвовать в создании Повести о Мамаевом побоище [Греков, с. 31]²⁸. Замечу, что из всех ее редакций именно текст Никоновской летописи дает этому подтверждение. Только в ней находится обширная вставка, не имеющая отношения к самой Куликовской битве, а объяснявшая правомерность поставления Киприана митрополитом в 1380 г. и осуждавшая поступки тогдашних его соперников Митяя и Пимена²⁹. Подобный пассаж, естественно, не мог быть актуальным в контексте повествования о сражении на Куликовом поле через полтора года после этого события, когда составлялась Никоновская летопись. Тем более что в ней еще под 1378 г. рассказывалось весьма подробно и о Митяе, и о Пимене³⁰. Вторично о том же сообщено в ней под 1379 г.³¹

Однако такие сведения были важны для самого Киприана в то время, когда он, после своего окончательного утверждения митрополитом в Москве, редактировал «Лѣтописецъ великий Русьский».

Нет возможности согласиться с мнением С. К. Шамбинаго (хотя оно и было поддержано А. А. Шахматовым) относительно вымышленности всех сведений Повести о Мамаевом побоище об участии митрополита Киприана в событиях 1380 г. на Руси. Сохранившаяся официальная документация Константинопольского патриархата свидетельствует, что Киприан находился в Константинополе только до весны 1380 г.³² Как уже говорилось, нет причин оспаривать сведения Никоновской летописи о приезде Киприана в Москву до лета 1380 г.³³

Прибыв в Москву, митрополит, конечно, благословил великого князя на противостояние ордынской агрессии. Не имея реальной возможности непосредственно влиять на ход победоносной для его паствы войны 1380 г., но редактируя впоследствии свой «Лѣтописецъ», митрополит Киприан, вероятно, озаботился не только акцентированием своей роли в событиях, но и подобающей, по его представлениям, интерпретацией успешных боевых действий русских войск. Не будучи, однако, человеком военным, он это делал, как бы мы теперь сказали, без должного профессионализма.

Исследователей не раз смущало находящееся только в Никоновской летописи, несомненно, гиперболическое число сражавшихся на Куликовом поле русских воинов — 400 000. Однако изначально такая цифра, очевидно, присутствовала в контексте, где речь шла об общем количестве участников сражения с обеих сторон. Используя Киприановскую редакцию Повести

²⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 63.

²⁸ Согласно наблюдениям И. Б. Грекова, это произведение «могло возникнуть в годы бурной деятельности Киприана» — во второй половине 90-х годов XIV столетия [Греков, с. 34].

²⁹ ПСРЛ. Т. XI. С. 49. См. об этой вставке: [Шамбинаго, с. 169].

³⁰ ПСРЛ. Т. XI. С. 35–41.

³¹ Там же. С. 44.

³² См. об этом выше и в статье [Азбелев, 2015а, примеч. 1].

³³ См.: ПСРЛ. Т. XI. С. 41, 49. Подробнее об этом см. выше и в монографии [Азбелев, 2011. С. 110–111].

о Мамаевом побоище, редактор Никоновской летописи часть этой фразы поместил несколько далее. В результате перестановки цифра 400 000 стала выглядеть как численность русского войска. Привожу реконструируемый исходный текст: «И тако поидоша обѣ силы вмѣсто сниматися, оттуду татарскаа сила великаа, а отселѣ самъ князь велики Дмитрей Ивановичь, со всѣми князи русскими; и бѣ видѣти русьскаа сила неизреченна многа, такоже и татарскаа сила многа зѣло. И уже близъ себя сходящимся обѣимъ силамъ, яко вѣще четырехсотъ тысящъ и конныя и пѣшия рати, выѣде изъ полку татарскаго богатырь великъ зѣло»³⁴. (Далее рассказывается, в согласии с другими редакциями Повести, о поединке Пересвета с татарским богатырем, о ходе сражения основных русских сил с татарскими и о вступлении в битву засадного полка.)

Ошибочность упомянутой перестановки доказывается тем, что ранее в той же Никоновской летописи, как и в предшествовавших ей летописях, была сообщена вдвое меньшая общая численность армии великого князя Дмитрия Ивановича, зафиксированная после перехода ею границы и вступления в рязанские пределы: «И прешедшу всему воинству его чрезъ Оку рѣку въ день недѣльный, и на заутрие въ понедѣльникъ самъ перевезеся... И повелѣ счесть силу свою, колико ихъ есть, и бѣше ихъ вѣще двоюсотъ тысящъ»³⁵. Невероятно, чтобы после пересчета, произведенного в пределах враждебного Москве Рязанского княжества, количество московского войска могло увеличиться еще на 200 тысяч за счет отставших. Но дабы подкрепить упоминание 400 тысяч в приведенной фразе Никоновской летописи, в нее дважды был введен повтор понравившейся редактору гиперболы (см. об этом подробно: [Азбелев, 2015в]).

В разных редакциях Повести о Мамаевом побоище итоговые цифры потерь хотя и гиперболы, но, при небольших отклонениях от средних, довольно стабильны: говорится, как правило, что погибло 250 тысяч или 253 тысячи, осталось 40, или 45, или 50 тысяч³⁶. Таким, по-видимому, запомнилось исчисление павших, устоявшееся при бытовании Сказания о Мамаевом побоище в устной передаче. Основой послужил, очевидно, текст официальной информации в поврежденном документе, где пострадавшая литера *ѣ* могла быть прочтена как *ѣс*, что увеличивало цифру на 100 тысяч.

Состав русского войска на Куликовом поле, отраженный в указаниях числа погибших его предводителей из разных земель и княжеств, не раз подвергался обсуждению в общеисторических трудах. При этом упоминания новгородских воевод, как и более или менее подробные сведения о прибытии самого новгородского контингента, которые находятся в разных редакциях Повести о Мамаевом побоище, обычно признавались плодами вымысла или даже квалифицировались как баснословие. «Основанием» служило отсутствие упоминаний о роли новгородцев в старших летописях не только Москвы, но и Новгорода.

Такое мнение, однако, не разделил опытный исследователь летописей А. А. Шахматов. По его заключению, «самый скептический ум не решится признать выдуманными некоторые факты», о которых сказано в Повести о Мамаевом побоище. В данной связи А. А. Шахматов назвал упоминание «о прибытии новгородцев в числе 7000 человек» [Шахматов, 1910, с. 175].

³⁴ ПСРЛ. Т. XI. С. 59. При цитировании мною устранена, несомненно, ошибочная перестановка группы слов «и бѣ видѣти русьскаа сила неизреченна многа, яко вѣще четырехсотъ тысящъ и конныя и пѣшия рати; такоже и татарскаа сила многа зѣло. И уже близъ себя сходящимся обѣимъ силамъ, выѣде изъ полку татарскаго богатырь великъ зѣло».

³⁵ Там же. С. 54–55.

³⁶ См. публикации: Поведание и Сказание о побоище великаго князя Дмитрия Ивановича Донскаго / Изд. И. Снегирева // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 2. Кн. 1. С. 67; Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. [Тексты]. С. 35, 72, 122, 164, 190; Русские повести XV–XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль. М.; Л., 1958, С. 37; Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 17, 201 (здесь странное уточнение: погибло «от безбожнаго царя Мамая 200000 без четырех человек»); Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л., 1982. С. 126; Памятники Куликовского цикла / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. СПб., 1998. С. 186, 249, 335.

Но точка зрения А. А. Шахматова у советских историков поддержки не получила. Негативное же мнение закрепилось в популярной литературе.

В 1972 г. были опубликованы результаты разностороннего изучения комплекса сведений по данной проблеме. Оно позволило показать участие Новгорода в событиях 1380 г., объяснило причины умолчаний об этом в летописях и подтвердило правоту А. А. Шахматова [Азбелев, 1972, с. 77–102].

Источником упомянутых выше сведений немецких хроник и «Вандалии» Альберта Кранца была, по-видимому, информация, сообщенная делегатами от Новгорода на ганзейском съезде 1381 г. в Любеке и передававшая рассказы новгородских участников событий 1380 г.

Новгородцы тогда подверглись разбойному нападению литовцев при своем возвращении с Куликова поля. Не оказав обещанной помощи Мамаю, литовцы захотели отнять военную добычу у тех победителей, которые шли в Новгород вдоль литовского рубежа. Бой новгородцев с литовцами был, вероятно, у речки Синяя Тулица, притока Тулицы, являющейся правым притоком реки Упы — на северо-восток от теперешней Тулы, в 70 километрах севернее места сражения с армией Мамаю на Куликовом поле.

Отсюда — неточность географического указания немецких источников, будто бы «великая битва» русских с татарами произошла «у Синей Воды»³⁷. Новгородцы рассказывали о двух сражениях, в которых им тогда пришлось участвовать. Название речки, у берегов которой произошел второй бой, немцы истолковали как указание места самой «великой битвы», в которой с обеих сторон, согласно хронике Детмара, сражалось 400 тысяч.

Существенно, что практически совпадают данные весьма разнородных источников о Куликовской битве. Четыреста тысяч — общая численность участников сражения 1380 г. и по хронике Детмара, и по Киприановской редакции Повести о Мамаевом побоище. С такой цифрой согласуются и приведенные мной выше сведения летописцев XV в. о количестве русских воинов, отправившихся на Куликово поле, и скорректированные мною только что сведения о числе погибших в великом сражении.

С. К. Шамбинаго едва ли ошибался, считая, что Киприановская редакция Повести о Мамаевом побоище предшествовала почти всем другим ее редакциям. Мнение же А. А. Шахматова, объяснявшего акцентирование в этой редакции роли митрополита Киприана общей тенденцией или самой Никоновской летописи, или использованного в ней митрополичьего свода XVI в. [Шахматов, 1910, с. 194–195], трудно согласовать с тем фактом, что следы подобной тенденции можно усмотреть во всех редакциях Повести о Мамаевом побоище (см.: [Азбелев, 2012б; Азбелев, 2013а]).

Но о Киприане, как известно, вовсе не говорит подробная Летописная повесть о Куликовской битве, обязанная устным своим первоисточником воинской среде и составлявшаяся тогда, когда Киприан находился вне пределов Руси, будучи изгнан великим князем³⁸.

Уснащение исторической информации домыслами с целью подчеркнуть роль митрополита Киприана — это особенность самой Повести о Мамаевом побоище, возникшая на той стадии литературной обработки устного Сказания о сражении на Куликовом поле, которая была обязана Киприану. Тенденция прославить митрополита (как бы умалявшая роль великого князя и его сподвижников) не могла обрести устойчивость. Другие редакции этой Повести удерживают только рудименты тенденциозных пассажей редакции Киприановской. Но она оказалась востребована, очевидно, целиком при составлении Никоновской летописи, ибо отвечала ее общему стремлению подчеркивать историческую роль высших иерархов Церкви — стремлению, которое и проследил А. А. Шахматов [Шахматов, 1910, с. 195].

³⁷ Ранее мною была предложена несколько иная гипотеза относительно происхождения географической ошибки в немецких источниках [Азбелев, 2007, с. 147], совместимая с гипотезой, излагаемой здесь.

³⁸ ПСРЛ. Т. XLIII. С. 131–137. См. специально об этой Повести: [Азбелев, 2011, с. 70–121].

Скептическое отношение многих историков к уникальным сведениям этой летописи оправдывается только частично отдельными фрагментами текстов о событиях 1380 г. Восходя к достоверным сведениям о фактах, реально бывших, эти известия лишь передают историческую реальность в интерпретации митрополита Киприана. Некоторые же из них испытали некомпетентное вмешательство редактора самой Никоновской летописи.

Подведу итог. Показания источников бесспорно свидетельствуют, что сражение 1380 г. произошло в центральной части Куликова поля, вблизи тогдашнего истока Непрядвы, примерно в 40 километрах от слияния ее с Доном. Численность русской армии, отправившейся на Куликово поле, могла составлять приблизительно 200 тысяч человек. Четыреста тысяч участников с обеих сторон — таков был, согласно русским и иностранным источникам, масштаб сражения, происходившего на пространстве в 10 верст. Исход жестокого трехчасового боя решила атака ударного резерва, который великий князь Дмитрий Иванович заранее расположил в дубраве позади позиции русских войск.

Бегство остатков разгромленной армии Мамаю происходило не только в южном направлении. Часть ордынцев устремилась на запад, где они смогли присоединиться к отрядам Ягайла, которые затем напали на возвращавшихся новгородцев. Другая часть бежала на восток, к ближайшему броду через Дон. Здесь они встретили на пути Непрядву — в среднем (меридиональном) течении этой реки. Татары тонули, стараясь перебраться на ее правый берег. Настигаемые преследователями, ордынцы гибли на обоих берегах Непрядвы. Беглецов, отстреливавшихся из луков, русские догоняли у берегов Смолки, недалеко от впадения этой речки в Дон. Следы преследования являются немногочисленные наконечники стрел и копий, которые в XIX в. питали энтузиазм владевших этой землей помещиков Нечаевых и Олсуфьевых.

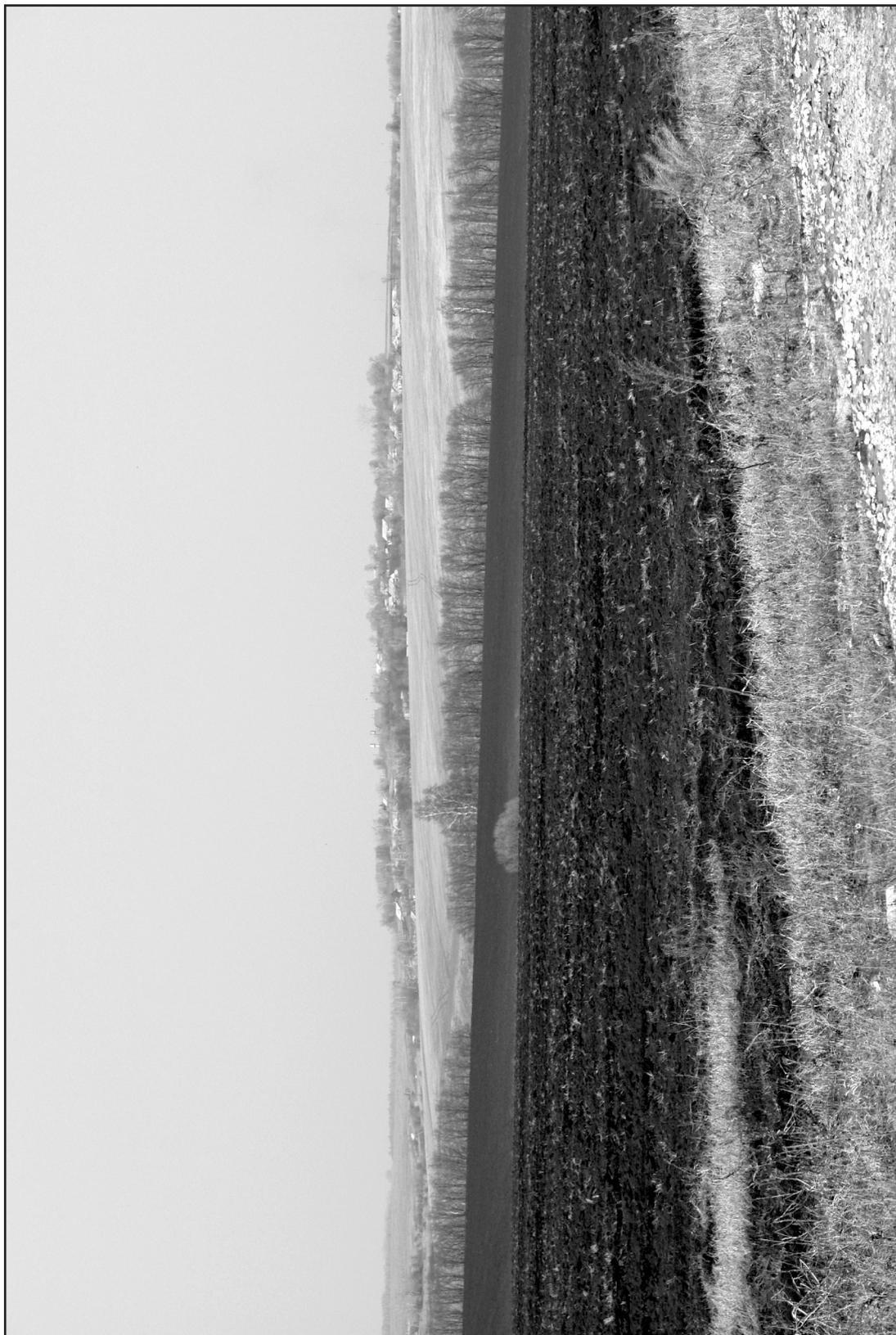
Литература

- Аверьянов К. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский накануне Куликовской битвы // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы II Международной конференции 4–6 октября 2000 г. Сергиев Посад, 2002. С. 15–16.
- Аверьянов К. А. О местонахождении митрополита Киприана в 1380 г. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006. С. 186–193. [Аверьянов 2006а].
- Аверьянов К. А. Сергей Радонежский: Личность и эпоха. М., 2006. [Аверьянов, 2006б].
- Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13. С. 77–102.
- Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007.
- Азбелев С. Н. Куликовская победа в народной памяти: Литературные памятники Куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011.
- Азбелев С. Н. Куликовская битва и православная церковь // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 77–82. [Азбелев, 2012а]
- Азбелев С. Н. О географии Куликовской битвы // Русское поле: Научно-публицистический альманах. Красноярск — Stockholm, 2012. № 2. С. 43–52. [Азбелев, 2012б]
- Азбелев С. Н. География сражения на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 11–19. [Азбелев, 2013а]
- Азбелев С. Н. Место сражения на Куликовом поле // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января — 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. 2. С. 185–187. [Азбелев, 2013б]
- Азбелев С. Н. К вопросу о месте и дате Куликовской битвы (историографические заметки) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (57). С. 145–151.
- Азбелев С. Н. Об уникальных известиях Никоновской летописи // Академик А. А. Шахматов: Жизнь, творчество, научное наследие. (К 150-летию со дня рождения). СПб., 2015. С. 317–327. [Азбелев, 2015а]
- Азбелев С. Н. Понятие «устье Непрядвы» в русском летописании // Русское поле: Научно-публицистический альманах. Красноярск — Stockholm, 2015. № 7–8. С. 52–57. [Азбелев, 2015б]

- Азбелев С. Н. Численность и состав войск на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 23–29. [Азбелев, 2015в]
- Александровский А. Л. Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // Куликово поле: Материалы и исследования / Отв. ред. А. К. Зайцев. М., 1990. С. 60–70.
- Борисов Н. С. И свеча бы не угасла... М., 1990.
- Греков И. Б. О первоначальном варианте Сказания о Мамаевом побоище // Советское славяноведение. 1970. № 6. С. 27–36.
- Двуреченский О. В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле // Куликово поле и Донское побоище 1380 г.: Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 150. С. 209–227.
- Зайцев А. К., Фоломеев Б. А., Хотинский Н. А. Проблемы междисциплинарного изучения Куликова поля // Куликово поле: Материалы и исследования / Отв. ред. А. К. Зайцев. М., 1990. С. 4–9. Куликово поле: Антология публикаций XIX–XX веков / Составитель и автор комментариев Наумов А. Н. Тула, 2014.
- Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия / Под общей редакцией В. И. Гриценко. Государственный музей-заповедник «Куликово поле». Тула, 2007.
- Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 3–21.
- Кучкин В. А. О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8 (828). С. 47–53.
- Мейендорф Иоанн, прот. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris, 1990.
- Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
- Петров А. Е. Куликово поле в исторической памяти: Формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 26–30.
- Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
- Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978.
- Прохоров Г. М. Киприан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 464–473.
- Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. (Материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 54–57.
- Соловьев С. М. Сочинения. М., 1993. Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 3–4.
- Флоренский К. П. Где произошло Мамаево побоище? // Природа. 1984. № 8 (828). С. 41–47.
- Хотинский Н. А., Фоломеев Б. А., Александровский А. Л., Гуман М. А. Куликово поле: Природа и история последних 6 тысяч лет // Природа. 1985. № 12 (844). С. 35–37.
- Чеботарев А. В поисках Куликова поля // Нескучный сад. 2005. № 4 (15). С. 94–101.
- Шабунько Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.
- Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.
- Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. № 11. С. 135–200.
- Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» // Отдельный оттиск из «Отчета о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария». СПб., 1910. С. 79–204.
- Krantz A. Vandaliae. Hanoviae, 1619.

Рис 1. Верховье р. Малевки. Вид на север. Место встречи противостоявших войск князя Дмитрия Ивановича Московского и Мамая. Фотография А.А. Астайкина.

*Рис 2. Красный холм у центра Куликова поля. Вид на северо-восток. Место, откуда Мамай до своего бегства наблюдал за сражением.
Фотография А.А. Астайкина*

